

КРОКОДИЛ

ISSN 0130-2671

№ 12 • апрель • 1986

Эти тракторы — из «семейного альбома».
Когда и как он составлялся — см. на стр. 4—5.

Рисунок В. ПОЛУХИНА.

Крепышский Всё Завыл

Смотришь: ходят по улицам и коридорам, проселкам и заводским дворам ладные, ухватистые, вечно бодрые крепыши, всепогодные оптимисты.

И мы уже готовы откровенно позавидовать: все-то у них складывается как нельзя более удачно. Вчера, пожалуйста, ему гараж на даче обустроили, сегодня, извольте, расценки на работе повысили...

— Как она, жизнь? — спрашивает мимоходом крепыш и, не дожидаясь отклика, извещает: — А у меня, старикан, все путем. Топаем в ногу с прогрессом. Как говорится, вперед и выше!

И, светясь довольством, растворяется в сиянии голубого дня.

Что ж, в удачливости нет, пожалуй, ничего зазорного. И уже хочется искренне пожелать крепышу дальнейших приятностей, если б не одно сомнение: ну ладно, если в жизни личной можно все отладить, то как в трудовой? Неужто и тут у него «нет проблем»?

Да, как ни ласкает наш глаз лучащийся безмятежностью гражданин, но надо признать: нередко она маскирует малопочтенное свойство, именуемое равнодушием к делам производственным и общественным.

То есть нередко мы стараемся отпихнуть беспокойство об этих делах куда-нибудь подальше, на задворки наших интересов. Чтоб оно не омрачало нам простых житейских радостей. «В конце концов мне что, больше всех надо?»

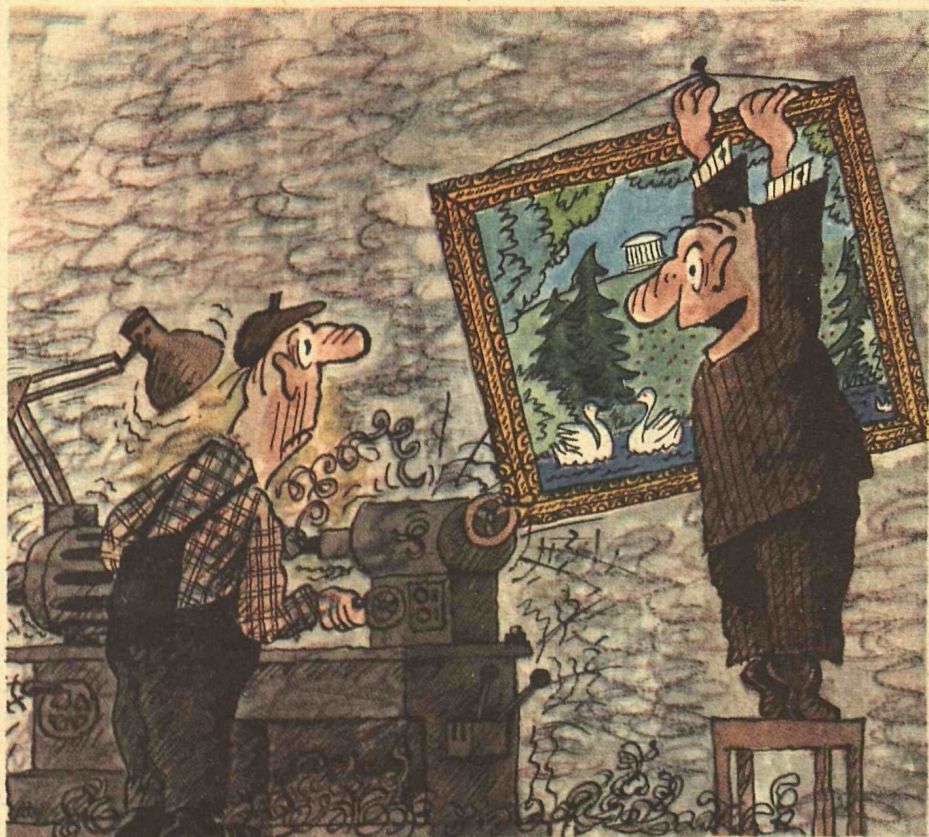
Так мы привыкаем к парадоксам и нелепостям, еще гнездящимся возле наших рабочих мест. Когда (как отмечено, например, на этих рисунках) доблестным работягой считает себя наглый бездельник, вместо реальных дел в изобилии плодятся невесомые обещания, наука высокомерно чурается производства... Ну, и так далее.

Какова же подлинная цена беспечно-торжествующей улыбке ухватистого крепыша на фоне таких «неувязок»?!

Обращаясь мыслью к задачам, ожидающим нас завтра и послезавтра, отдадим должное непреходящей правоте ленинских слов, что нет ничего пошлее самодовольного оптимизма.

XXVII съезд нашей партии твердо и безоговорочно поставил во главу угла всей жизни советского общества интересы дела. Именно о них говорили с трибуны съезда делегаты, выступления которых подсказали нам сюжеты и эпиграфы публикуемых здесь рисунков.

Руководители энергетического и химического машиностроения не принимают решительных мер к уменьшению повышенной загазованности, шума, вибрации и других неблагоприятных факторов.

— И повторяй: мне приятно, мне очень приятно, я чувствую запах хвои с земляникой...

Рисунок
О. ТЕСЛЕРА.

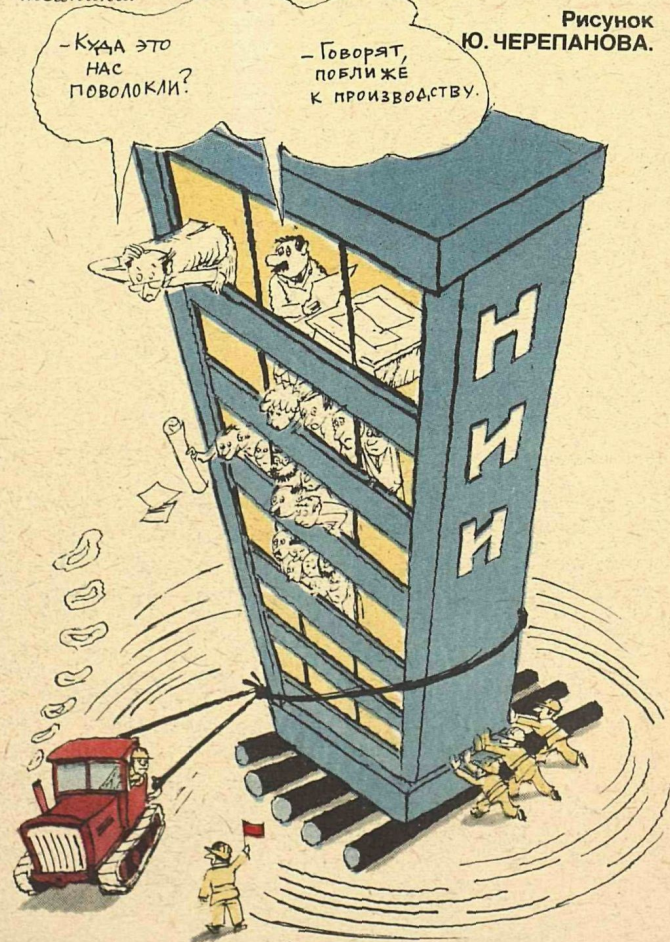
Одни работают с полной выкладкой, другие за их спины прячутся, бездельничают и зарплату получают незаработанную.

Рисунок В. ШКАРБАНА.

Привычка не требовать от нашей науки — и отраслевой, и академической — решения задач по созданию новых технологий или продукции привела к застою некоторых отраслей науки и техники.

Рисунок
Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Приходится сталкиваться с ничего не дающими обещаниями, которые не выполняются годами.

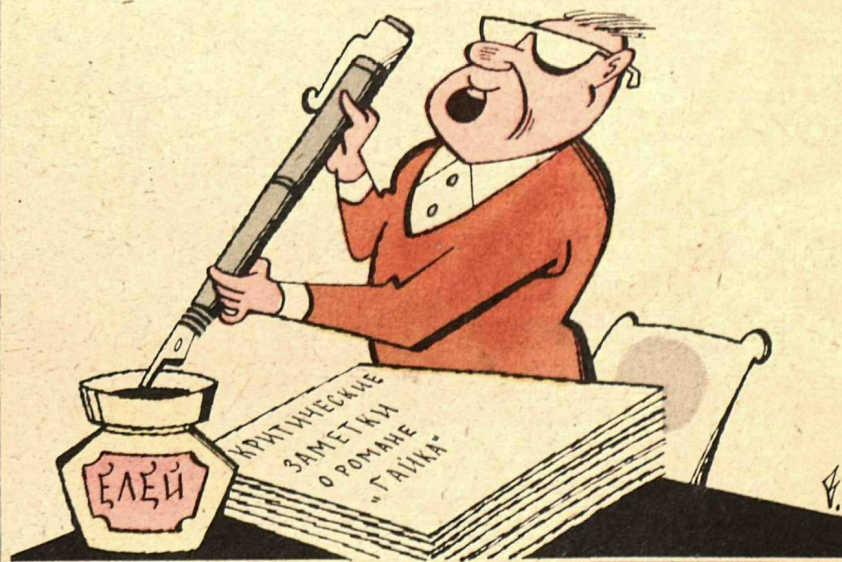
Еще далеко не изжиты злоупотребления служебным положением, стяжательство, другие негативные проявления.

Появились «зоны вне критики», а это значит, появились должности, люди вне критики.

Литературно-художественная критика зачастую примиренчески относится к поверхностным, безыдейным произведениям, превращаясь в сферу обслуживания авторских самолюбий и амбиций.

Итак (см. обложку этого номера), мы с вами, дорогой читатель, попали на двести пятидесятое заседание по поводу трактора Т-250.

Впрочем, за точность не ручаемся. Вполне возможно, что оно было двести сорок восьмым или, скажем, триста девяносто девятым — разве упомянешь за два десятка лет! Одно можно сказать твердо: речей на этих заседаниях было предостаточно, решений и постановлений хватало с лихвой. Не хватало лишь самой малости — дела.

Сегодняшний фельетон и посвящен, собственно, «нестыковке» между словом и делом — порочной практике, решительно осужденной XXVII съездом партии.

ПЫЛЬ ИЗ-ПОД КОЛЕС

На хлопковом поле Узбекистана пылит трактор. Колхозный механизатор Кадыр Икрамов останавливает бег своего железного коня, пережидает, пока оседет пыль, и спрашивает корреспондента:

— Слушай, друг, ты там ближе к науке, скажи, пожалуйста, нельзя ли сделать так, чтобы трактор не пылил, а? Совершенно не видать, с какого боку начальство подбегает...

Корреспондент Крокодила понимает юмор, он в тон замечает, что трактор все-таки не по асфальту ходит.

— Это верно, — охотно соглашается Кадыр и, прищурившись, добавляет: — А я, между прочим, не за себя волнуюсь. Хорошая земля превращается в пыль и уносится ветром. А?

Теперь корреспондент начинает соображать, что механизатор не шутит. А Икрамов продолжает:

— Да, ничего не скажешь, мощная машина К-701. Очень сподручно к ней прицепить телегу с тяжелым грузом. Но вот что я тебе скажу: на хлопке нужна другая машина. Не колесная, а гусеничная. Понял, нет?

Корреспондент понял, но не совсем. Захотелось сугубо научных разъяснений. И он катит в Янгиюльский район Ташкентской области, где обосновался институт с нежным женским именем САИМЭ, что в обиходе означает Среднеазиатский НИИ механизации и электрификации сельского хозяйства.

Приподними чадру, о восточная красавица САИМЭ, и скажи, что ты думаешь по этому вопросу.

Оказывается, САИМЭ думает о гусеничном тракторе дено и ношно. Нет, она не слагает о нем изящные рубаи и дивные газели. Она сочиняет об этом тракторе полные драматизма служебные записки и официальные докладные. «В хлопководстве, — говорится в записках, — одной из причин, сдерживающих научно-технический прогресс, является отсутствие гусеничного трактора, параметры которого отвечали бы современным требованиям...» И дальше: «Выпускаемые ныне мощные тракторы К-701 на полевых работах в зоне хлопководства оказались неработоспособными». Вот так: **НЕРАБОТОСПОСОБНЫМИ!**

...Пока один корреспондент мотается по хлопковым меридианам Средней Азии, другой колесит по кубанской житнице.

Что он видит в зоне хлебопашения? Те же колесные «Кировцы» и ту же пыль из-под колес.

И тогда, уединившись в гостиничном номере, читает корреспондент газету «Советская Кубань» за 13 мая 1984 года, где напечатана статья профессора Кубанского сельхозинститута Ф. Канарева под красноречивым названием «Колея на поле».

«За последние 10—15 лет, — пишет профессор-аграрий, — вес тракторов, комбайнов и другой техники почти удвоился, резко возросло количество тяжелых колесных тракторов, увеличилась их скорость».

— Что же из этого следует? — думает вслух корреспондент.

А из этого следует, сообщает газета, что тяжелые машины «уплотняют слой почвы на глубину до двух метров, то есть практически весь плодородный слой... Уплотнение почвы не второстепенная проблема, а явление глобальное, и гибель озимых — яркое подтверждение тому».

Корреспондент пугается слова глобальное, принимает валидол и кидается читать дальше — что же предлагает профессор Ф. Канарев? А предлагает он вот что: «Может быть, есть смысл пересмотреть структуру используемого ныне машинно-тракторного парка, отдав предпочтение машинам гусеничным?»

Естественно, Минсельхозмаш как министерство сугубо городское отказалось от этой модели и поручило создание новой своему НАТИ (Научно-исследовательскому автотракторному институту), который представил в 1971 году уже по-столичному франтовый вариант. Правда, этому щеголю далеко до изящества трактора, изготовленного в 1972 году во Всесоюзном институте сельскохозяйственного машиностроения (ВИСХОМ), находящемся в ведомстве того же Минсельхозмаша. Ну, а уж молодчик, сделанный через четыре года в институте, название которого сразу не произнесешь — ВНИПТИМЭСХ (что значит Всероссийский научно-исследовательский и проектно-технологический институт механизации и элект-

Ю. БОРИН, Н. КВИТКО,

специальные корреспонденты Крокодила

Профессор, снимите очки-велосипед! К чему лукавить и писать «может быть, есть смысл»? Знаете ведь отлично, что давным-давно решено и подписано на самом высоком уровне: создать гусеничный трактор Т-250 (мощностью в 250 лошадиных сил и тяговой силой 5 тонн). Для кубанских хлебных нив, узбекских хлопчатников и многих других регионов. Такой трактор перестанет трамбовать землю, поскольку всем известно, что на наезженной колее вряд ли что-нибудь вырастет. Он значительно улучшит качество обработки почвы, в связи с чем резко повысится урожайность и хлопка, и пшеницы, и прочих культур.

Итак, подобьем бабки. Есть требование механизаторов. Есть авторитетное мнение ученых. Есть настоятельная необходимость. Есть, наконец, решение (и не одно!). А чего же нет?

Нет трактора. Одного-единственного. Т-250.

Впрочем, это неточно. Трактор вообще-то есть. И даже не один. Восемь штук. Но все они... как бы это выразиться... всего лишь

ПЫЛЬ В ГЛАЗА

Мы сидим в ВИМе и с интересом листаем уникальный альбом, изданный в одном экземпляре. Своего рода семейная коллекция фотографий близких родственников. С фото на нас смотрят молодцеватые, подтянутые и чистенькие тракторы. И хотя все они называются одинаково — Т-250, но, несмотря на родство, не похожи друг на друга.

Вот самый первый, так сказать, глава семьи. Он сконструирован еще в далеком 1969 году умельцами Всесоюзного НИИ механизации сельского хозяйства. Вероятно, потому, что ВИМ подчинялся ВАСХНИЛ, трактор получился по-крестьянски угловатым и нескладным.

трификации сельского хозяйства), всех предыдущих за пояс заткнет, хотя этот самый ВНИПТИМЭСХ и подчинялся Минсельхозу РСФСР.

Впрочем, нет. Минсельхозмаш опять обошел соперников. Всех побивает, без сомнения, детище КБ знаменитого Харьковского тракторного завода рождения 1976 года. Какие смелые формы! Какая устремленность в будущее!

Мы позвонили директору ХТЗ В. Библику и высказали свои восторги по поводу созданного на заводе великолепного Т-250.

— Какой еще Т-250? — хмуро отозвался Валентин Васильевич. — Мы такого сразу не разрабатывали.

— Позвольте! Но вот же фото! — не поверили мы.

— Ничего не знаю. И вообще Т-250 — это не наш типаж. Делать его не собирались и, даст бог, не будем...

Честно говоря, мы даже растерялись. Родной, можно сказать, отец отказывается от такого красавчика. Больше того — вундеркинда, который может составить славу любому родителю.

Нет, тут что-то не так. Но вот мы переворнули предпоследний листок в альбоме и... наткнулись на новую фотографию. Это модель, сделанная конструкторами Алтайского тракторного завода.

А потом мы стали читать бумаги. Протоколы испытаний. Акты экспертизы. Официальные запросы. Не менее официальные ответы. Решения и постановления. Указания и распоряжения. Служебные записки и бюрократические отписки.

И все больше убеждались, что нет, не сможет Министерство тракторного и сельскохозяйственного машиностроения освоить трактор ни по собственному образцу, ни по образцу академических и смежно-министерских моделей. Не в силах. Тут дело серьезное. С одной стороны, наука. С другой стороны, производство. И с той, и с другой сторон — тысячные коллективы. У науки одни взгляды и требования. У производства — другие. Попробуй согласуй. Попробуй добейся, чтобы и наука, и производство дудели в одну дудку.

Науке что — сладил опытный образец и сбавил производству. Дескать, берите, испытывайте, осваивайте, выпускайте. А как выпускать, если теперь надо все переналаживать, перестраивать, менять технологию? Как осваивать, если — не к ночи будь сказано! — того и гляди завалишь план серийной конвейерной продукции?

Пока за этого вундеркинда начнешь получать премии, наломашешься, наживешь гипертонию. А без него все тихо-мирно, прогрессивка капает ежемесячно.

Вот почему все эти опытные образцы, собранные в фотоальбоме, не более чем имитация кипучей деятельности всех не очень заинтересованных лиц и организаций. Пыль в глаза. Ведь ни один из образцов не стал обычным, нормальным серийно выпускаемым трактором.

Вот почему отрекся директор ХТЗ от своего детища, а министерство сбавило производство нужного до зарезу сельскохозяйственного трактора на Алтайский завод промышленных тракторов.

Но, возможно, именно Алтайский завод, взявшийся за эту проблему в 1980 году, изменениям стилю родного министерства, выпустит, наконец, много-страдальный Т-250?

А это еще, как говорится,

БАБУШКА НАДВОЕ СКАЗАЛА

Прошлой осенью директор Алтайского завода А. Зарубин дал интервью корреспонденту местной газеты «Коммунистический призыв».

Очень примечательное интервью. К примеру, корреспондент напомнил, что на прошедшем недавно пленуме горкома партии завод упрекали в том, что на протяжении двадцати лет здесь не появилось ни одной принципиально новой сельскохозяйственной машины.

На что Александр Иванович обижено возразил:

— Застоя как такового не было.

После этого корреспондент газеты задал любовой вопрос, как идет работа над трактором Т-250, который, как известно, ждут наши поля и нивы. Но тов. Зарубин популярно разъяснил, что эта проблема не такая простая. Сперва завод займется разработкой и внедрением трактора Т-4М, что протянется несколько лет, а уж затем примется за трактор Т-250.

Что же такое Т-4М и чем он отличается от Т-250?

Во-первых, тем, что Т-4М — это всего лишь очередная модификация выпускающегося серийно трактора Т-4А. Чуть-чуть переделать технологию — и гони все тот же старый, слабосильный трактор, который мало чем отличается от нового. Во-вторых, к трактору Т-4М, как и к его предшественнику, нет шлейфа сельскохозяйственных машин. Стало быть, «новый» трактор, который собирается через несколько лет выпускать Алтайский завод, просто-напросто никому не нужен. Это некий паллиатив, который не решит проблемы улучшения обработки почвы.

А что такое Т-250? По заявлению самого Зарубина, эта машина не имеет аналогов в мире. Она способна работать со всеми орудиями трактора «Кировец» (с которым мы давеча встречались на узбекских и кубанских широтах) и в то же время имеет перед «Кировцем» то преимущество, что «давление на грунт у Т-250 значительно ниже, а это позволяет выходить в поле на две недели раньше».

Газетчик поинтересовался: что же мешает заводу организовать производство Т-250 немедленно?

О, тысяча всяких проблем, обстоятельств и трудностей!..

И все-таки директор АТЗ Александр Иванович Зарубин сказал корреспонденту не всю правду. Кое о чем он умалчал. В частности, он умалчал о том, что примерно в те же дни, когда давал интервью газете, завод направил в Госкомитет СССР по науке и технике письмо, в котором есть такие слова:

«Освоение производства трактора Т-250 на АТЗ ранее 2000... 2005 года маловероятно».

Любопытное заявление, не правда ли? Руководители завода планируют начать выпуск нового, не имеющего аналогов в мире высокопроизводительного трактора не раньше, чем лет этак через двадцать. Но даже если взять за основу это не очень твердое обещание, то не следует ли предположить, что не имеющий зарубежных аналогов трактор станет в том далеком завтра вчерашним днем техники? Да и сегодня, когда со времени первых обещаний прошло почти два десятилетия, а после создания последнего образца — восемь лет, нет ли необходимости пересмотреть все снова? Так сказать, украсить «семейный альбом» еще одним, но уже последним снимком?

Между тем годы прошли не зря. Они были насыщены большой и напряженной борьбой. Минсельхозмаш всеми силами отпихивался от освоения трактора Т-250. Думаете, легко? Сколько бумаги переведено, сколько стульев протерто, сколько чернил и пасты растрачено!

Зато какие результаты!

Из 9-й пятилетки план освоения трактора Т-250 по просьбе Минсельхозмаша переносится в десятую.

Из 10-й — в одиннадцатую.

Из 11-й — в двенадцатую.

А в июле 1985 года министр тракторного и сельскохозяйственного машиностроения А. А. Ежовский пишет в Совет Министров СССР: «...организация серийного производства трактора Т-250 в 12-й пятилетке не представляется возможной».

...Есть меткий современный афоризм: «Если нельзя, но очень хочется, то можно».

В случае с разработкой и внедрением трактора Т-250 вариант противоположный: «Если очень надо, но не хочется, то нельзя».

А под «нельзя» можно подвести тысячу обоснований.

И останется потомкам лишь «семейный альбом» с фотографиями так и не родившихся добрых молодцев...

— Уйдем пораньше, ведь у каждой дети...

Рисунок Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО.

КРОКОДИЛ
ПОМОГ

«РАЗБИВАНИЕ ГОРШКОВ...»

Как быть с железобетоном, который остается лежать рядом с возведенным объектом? Крушить с помощью специально сконструированной дробилки? Просто прятать от глаз начальства? Размышляя о заботах строителей, спецкор Крокодила Ю. Борин озадачился новым вопросом: а откуда вообще берется лишний железобетон? Так возник фельетон «Разбивание горшков...» (№ 32, 1985 г.), в котором установлено: лишний железобетон становится по милости снабженцев.

В настоящее время в стране существует так называемый квартальный режим снабжения. Что это значит? Да просто заявки на строительные материалы даются на целый квартал, и к тому же со значительным опережением. Но потом выясняется: чего-то недодали, а что-то оказалось лишним. Поскольку план изменился. В результате государство терпит колоссальные убытки. Между тем, по подсчетам специалистов, если обеспечивать объекты тем, что необходимо, и именно в данный момент, то можно сэкономить примерно 17 миллиардов рублей.

Вот для чего и была разработана Госснабом СССР Единая система снабжения капитального строительства (сокращенно ЕССКС). Однако, как ни странно, внедрение этой необычайно важной и нужной для народного хозяйства страны системы тормозится... тем же Госснабом СССР.

Выступление журнала вызвало значительный резонанс. В феврале этого года, в канун XXVII съезда КПСС, под председательством заместителя Председателя Совета Министров СССР Ю. Баталова состоялось совещание, в котором приняли участие руководители ряда министерств и ведомств. Совещание одобрило предложенный вариант Единой системы, которая базируется на самой современной вычислительной технике, и выработало меры по ее внедрению.

В официальном ответе Госснаба СССР, подписанном заместителем председателя госкомитета Н. Николаичком, говорится о том, что делает Госснаб для ускорения проектирования и внедрения ЕССКС. Частично ЕССКС начнет действовать уже в нынешнем году. Тов. Николаичник сообщает также, что в XII пятилетке планируется строительство в Москве Главного вычислительного центра Госснаба СССР, без которого ЕССКС не сможет нормально функционировать.

С чего началось все? С климата. С причерноморского климата, которого в Кемеровской области, где проживала семья Лариных, не было, а скажем, в Феодосии был. Правда, в Кемеровской области у Лариных имелась трехкомнатная квартира, в Феодосии же они не располагали даже временкой, но ничего, сказала Вера Михайловна, будет! И, расторгнув с мужем брак, махнула в облюбованный ею древний городок на юго-восточном берегу Крымского полуострова. Здесь она приглядела себе комнатенку, ветхую и размером очень даже скромную, но, так как на одного человека площади хватало, комнатенку Вере Михайловне купить разрешили.

В тот же миг из Кемеровской области прибыл, навсегда оставив родственникам квартиру, бывший муж Михаил Иванович. Мягкий морской климат действовал умиротворяюще, и распавшаяся была чета вновь воссоединилась. В результате этого повторного брака на свет родился острый дефицит жилой площади. Ибо и новоиспеченный муж, и разменявший третий десяток сын были без проволочек прописаны в той самой скромной комнатенке, что приобрела — якобы только для себя — Вера Михайловна.

— Ну что ж! — сказала мудрая женщина. — В тесноте, да не в обиде... Будем строиться! Раздвинем домик вширь и ввысь.

На этом месте юридически подкованный читатель непременно споткнется. А как же, полюбопытствует он, постановление Совета Министров СССР, запрещающее индивидуальное строительство в трехкилометровой зоне Черноморского побережья? Или, может, дом Лариных расположен не в трех километрах от берега, а чуточку дальше?

Не дальше. Ближе. Гораздо ближе — почти в центре Феодосии, так что, когда море штормит, из распахнутых окон слышно.

Тем не менее горсовет разрешил Вере Михайловне пристроить еще одну жилую комнату, а также веранду и помещение для котельной. Правда, разрешил не сразу. Первая попытка не удалась — ее торпедировала исполкомовский юрисконсульт Н. А. Савич. Наотрез отказалась она визировать проект решения ввиду его противозаконности.

Сие обстоятельство было учтено: в следующий раз никакого проекта ей просто-напросто не показали. Заодно его скрыли от большинства членов исполкома. Контрабандой протасили...

Темп! Главное, как известно, темп. Бумаги еще путешествовали в исполкомовских кабинетах, а Ларины уже возвели фундамент и теперь спешно наращивали толстые стены. По принципу: чем больше, тем лучше. Так, вместо одной комнаты, дозволенной

контрабандным решением, отгрохали две. Да еще коридор... Да еще мансарду... Ветхий домик, в котором, помимо Лариных, жили еще две семьи, не выдержал: треснула капитальная стена.

Люди за стеной вздрогнули и возвели очи. Что увидели они? Высокую готическую крышу, которую подняли в небеса новые соседи и с которой во время дождя обрушивались потоки воды.

Крыша? Вода? Заливаем? Фи! Ни Вера Михайловна, ни Михаил Иванович разговаривать на эту тему не желали. Иное волновало их.

— Не возражаете ли вы, — обратилась Вера Михайловна к супругам Достатным, — если мы прорубим на ваш участок парочку окон и одну дверь?

— И будете ходить через наш участок?

Р. КИРЕЕВ, специальный корреспондент Кроксдила

УНОСИМЫЕ ВЕТРОМ

— Через ваш, — ласково подтвердили Ларины. — Вы что, против?

— Конечно, против!

— А мы — за! — объявила Вера Михайловна. — И горсовет, я думаю, поддержит нас.

Она правильно думала: горсовет поддержал. Очередным своим решением оттяпал у Достатных шмат земли, которую те возделывали вот уже четыре десятилетия, и передал его вновь прибывшим.

Посыпались жалобы. В них фигурировала и вторая комната (нелегальная), и мансардная крыша (тоже нелегальная), и нелегальный коридор. Пришлось исполкому создавать комиссию, куда вошли зампред Н. П. Выборнова, секретарь В. А. Корнеева и главный архитектор Феодосии Б. В. Пацюк. Комиссия установила: есть вторая комната, есть мансардная крыша, есть недозволенный коридор. Но в область, которая строго запретила: «Что там у Лариных?» — был послан официальный ответ: «Ничего. Строят согласно нашему решению, отступлений не замечено».

Успокоительную бумагу эту подписал первый заместитель председателя исполкома М. Л. Ивлев. Область, однако, не успокоилась (ее продолжали бомбардировать жалобами). Вторично запросила, и тут уже ответил сам председатель Г. И. Барышев. Никаких, уведомил, нарушений нет. Порядок полный.

Ларины улыбались. Ларины потирали руки:

— Климат! Какой климат!

Климат и впрямь был отличный. Для Лариных... Вообще для влиятельных людей, к коим Ларины, как уже наверняка понял читатель, относились.

Я умышленно выделяю это слово, дабы хоть как-то обозначить различие между влиянием, кото-

рое завоевано трудом праведным, и влиянием... Как бы это назвать его? Из-под полы, что ли. Вот-вот, влиянием из-под полы.

Как приобретают его? По-разному. Один в мясники идет и мигом обрastaет знакомыми, которые прежде не замечали его, а теперь первыми раскланиваются. Другой устраивается механиком в автосервис. Третий принимает под свое начало базу стройматериалов, а на базе этой — кирпич и цемент, обои и лес, плитка керамическая и фаянс... Все дефицит, и дефицит острый, а у кого дефицит, у того, как известно, и влияние. Так что если ты даже новый человек в городе, без людей, готовых услужить тебе, не останешься.

Это уже не общие рассуждения, это я опять о

Лариных говорю. Конкретно — о Вере Михайловне. Ибо это она, «товаровед высшей квалификации», приняла под свое начало феодосийскую базу стройматериалов, и с тех пор — по счастливому совпадению — судьба улыбалась ей беспрестанно.

То незаконное строительство разрешит. (В лице исполкома.) То незаконно клочок земли подарит. (В его же лице.) То отапливает в область, что Ларины, дескать, — сама добродетель и на йоту не отступают от своего скромного проекта, хотя весь город видит, экий домище возводится ими в охраняемой государством прибрежной зоне.

Сильные люди... Влиятельные люди... Взяться рука за руку, и попробуй круг этот разорвать!

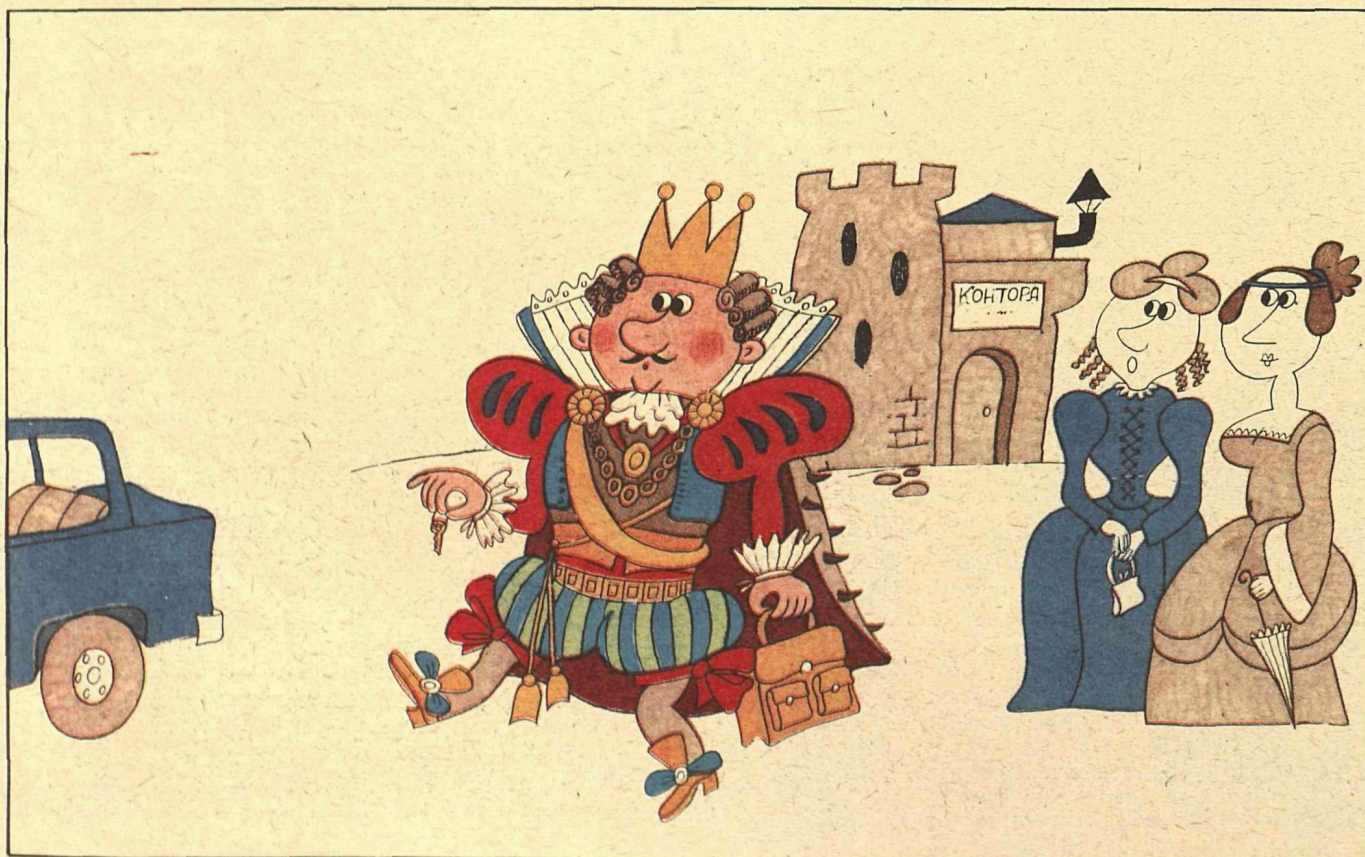
— Климат! Какой климат!

Но вдруг изменилась погода. Вдруг свежий ветер подул, и стало не по себе влиятельным людям. Всюду стало им не по себе — всюду! — в том числе, разумеется, и в тихом курортном городе.

Горком партии вмешался. Непосредственно первый секретарь Евгений Васильевич Костюк взял дело Лариных под свой личный контроль.

В одночасье отменил исполком свои незаконные решения. В одночасье признал самовольным строение Лариных. «Снести!» — приказал и даже срок назначил (свежий ветер!), но Ларины, смеясь, показали кукиш. Укрепляли и благоустраивали незаконно возведенный дом, уверенные, что то не климат изменился, то легкие тучки налетели на доселе безоблачный горизонт.

Супруги ошибались. Дом снесли-таки, и случилось это незадолго до приезда в Феодосию вашего корреспондента. На базе стройматериалов Вера Михайлов-

Мимо-ходом

Ограниченность безгранична.

Ю. ШНЕЙДЕР, г. Ленинград.

Как мало мы уделяем внимания тому, о чем много говорим!

Благодаря принятым мерам воз и ныне там.

Анатолий РАС, г. Москва.

Некоторые смотрят правде в глаза только через замочную скважину.

А. ЧУБИНСКИЙ, г. Киев.

Свои недостатки легче найти у других, а их достоинства у себя.

А. МОСЯКИН, Калининская область.

Если правда о нас кажется слишком приятной, значит, это умелая лесть.

Георгий КОВАЛЬЧУК, г. Москва.

— Подумать только, когда этого короля назначили в нашу контору, он был совершенно голый...

Рисунок
Л. ФИЛИПОВОЙ.

на уже не работала: вежливо попросили. Именно вежливо. Очень вежливо... С переводом на другую базу, продовольственную, где дефицита, как известно, не меньше, а оклад — тот даже и больше чуток.

Тем не менее настроены супруги Ларины боевито. Шлют письма во все инстанции, отстукивают, не скупясь, телеграммы, которые заканчиваются словами: «Спасите! Коммунисты Ларины» (оба члены партии). Когда же я осведомился, чего добиваются они, ответили в один голос:

— Пусть убытки возместят.

Ладно, их можно понять. То, что для всех для нас — свежий ветер, для Лариных, вообще для влиятельных людей (для бывших влиятельных) — разрушительная стихия. Поэтому мне, признаюсь, было куда интересней, что скажут те, кто потрогал Лариных. Кто принимал противозаконные решения. Кто подмахивал липовые ответы на жалобы.

Я беседовал с ними. И с председателем исполкома Георгием Ивановичем Барышевым. И с замом его Ниной Петровной Выборновой. И с секретарем исполкома Валентиной Андреевной Корнеевой.

Улыбаются... Разводят руками... Виноваты, мол, дали маху...

— Понять не могу, — пожаловался мне Георгий Иванович, — как вообще умудрилась Ларина прописаться так быстро. У нас с этим сложно... Как комнату ей продали. Не должны были продавать: площади не хватает.

Это городской голова говорил. Это он понять не мог. Пришлось корреспонденту просвещать его. Про развод рассказывать. Про квартиру, которая осталась в Кемеровской области. Ничего этого Георгий Иванович не знал... Но и корреспондент, в свою очередь, попросил просветить его. Растолковать, например, каким образом он, Георгий Иванович Барышев, председатель исполкома, подписал решение, противоречащее постановлению правительства. Или не знал тоже?

— Как не знать? Стольким отказываем, ссылаясь на него.

— А здесь не отказали.

Улыбается. Разводит руками. Много, говорит, хатаев было.

— Фамилии? — любопытствую.

— Фамилии, — сокрушается Георгий Иванович, — запомнил. Да и какая теперь разница! Новые времена настали. Свежий ветер подул, чувствуете?

Чувствуем. Это мы все чувствуем. Чувствуем и радуемся, но, радуясь, давайте не забывать, что погоду — как хорошую, так и плохую — делает не один человек, не два и не десять, а все мы. Каждый на своем месте.

Крымская область.

— В чем секрет вашего служебного долголетия?

— Зять в главке, сын в тресте, внук в управлении..

— У вас какое дело к начальнику? Обращайтесь ко мне, я его зам по чуткости!

Рисунок Л. САМОЙЛОВА.

ВОЙНА И МИР АНГОЛЫ

Крошка-дочь к отцу пришла и спросила кроха:
— Папа, а в Анголе война или мир?
Ого! Можно подумать, что в школе из перво-
клашки заботливо растят будущего комментатора
Гостелерадио!
— Съезжу, посмотрю и расскажу. Или открытку
пришлю,— говорю я и бросаю в чемодан бритву.
Пуленепробиваемый жилет не беру: во-первых, у
меня его нет, во-вторых, надеюсь, что все-таки в
Анголе в общем и целом мир...

Запахи буйного тропического цветения набегают
густыми волнами. У солнца, похоже, единственная
цель — превратить человеческие мозги в запеканку.
Ах, как хорошо в этот полуденный час сидеть в
маленьком кафе и пить ледяной оранжад, что я и
делаю. Рядом со мной тем же приятным делом
занимаются солдаты. Мыски их ботинок сверкают,
как черные зеркала. Всмотриваюсь в молодые
солдатские лица — в них ни тени напряжения. Да и с
чего? Вокруг — мир и благодать. Прохлывают, тан-
цуют бедрами, анголочки, чуть кося в сторону солдат
глазами. Из школ после занятий выбегают, разма-
хивая портфелями, дети. Потоки разномастных
авто заполняют авениды. Шоферы весело жмут на
клаксоны.

Пожалуй, пойду в отель и отошлю первую
открытку: «Войны нет. Солдаты сидят в кафе,
попивая оранжад, или надраивают ботинки у маль-
чишек-чистильщиков».

По дороге разглядываю «памятники никому»:
постаменты, пьедесталы, цоколи в наличии, а свер-
ху пусто, будто прошло по памятникам цунами.
Словоохотливые луандийцы разясняют, что здесь
некогда горделиво торчали бронзовые сеньоры кон-
кистадоры — символы колониального португаль-
ского владычества. Но пришла независимость, и
низвергнутых истуканов отправили на вечное хра-
нение в музей-крепость Сан-Мигель. «Стены там
прочные и высокие,— смеются жители столицы
Анголы,— поэтому бежать им не удастся».

И вдруг рассыпчатая дробь в ушах. Будто где-то
за углом великанша-машинистка отстучала строч-
ку, вторую. Затем заработало целое машинье. Уж
не называются ли эти слишком громкие машинки
автоматами?

Придя в отель, я обнаружил в оконном стекле
дырку. Такая же дырка оказалась в платяном
шкафу напротив окна, где мирно висели мои запас-
ные брюки. Теперь они ранены вылетят. Вот тебе и
райский уголок! Какое счастье, что я не находился
десять минут назад в моих ни в чем не повинных
раненых штанах.

Товарищ Симош из Министерства информации
и пропаганды — отчаянный гонимый. Еще бы, надо
езде поспеть — на митинг рабочих табачной фаб-
рики и в порт, в редакцию «Жорнал ди Ангола» и на
совещание в ЦК МПЛА. Его «лендровер» носится по
дорогам, словно бешеный. Определенно, если Си-
мош и слышал когда-нибудь, что у машины имеет-
ся тормоз, то тут же об этом позабыл. Он с
легкостью победил бы на лобовых автогонках, но у
него совсем нет времени для таких забав.

— Как говорят у вас в России, делу время,
потехе час. Заберем партийные плакаты из типо-
графии, потом отвезу тебя на океан.

Из типографского склада выносим пачки плака-
тов. «Лендровер» оседает на рессорах до предела.
Жара. Симош по-мальчишески задорно улыбается,
изредка левой рукой утирает со лба пот, правая на
баранке.

Но вот вынужденная остановка: закрыт желе-
знодорожный переезд. Медленно движется военный
эшелон. Впереди две открытые платформы со
станковыми пулеметами, рядом устроились грана-
тометчики, в пирамидки составлены автоматы. Ва-
гоны идут, идут... Лица солдат глядят на нас
по-мужски сурово. Поезд представляет мне ирре-
альный, фантастический, и в то же время кажется,
будто когда-то все это я уже видел. Да, конечно же,
в кадрах кинохроники... Поезд уходит к югу, в
провинцию Куандо-Кубанго, где идут бои с бандитами
УНИТА.

Мысленно сочиняю открытку домой: «Война
идет, доченька, но далеко-далеко от меня, на южной
границе...» Симош успел вздремнуть на руле, пока
переезд был закрыт.

— Извини, больше суток на ногах. У тебя час
отдыха на океане, пока я управлюсь со своими
делами, а затем махнем в Виану, в сельскохозяй-
ственный кооператив.

Вода в океане настолько плотная, что выталки-
вает, словно мячик, а соленость такая, что хлебни
глоток — и селедочное масло покажется мармела-
дом. На пустынном пляже тихо. Справа лениво
дымит кухонной трубой полупустой ресторанчик,
слева застыли в безветрии кокосовые пальмы. Из
норки вокруг меня вылезают юркие песчаные кра-
бы, один азартно цапнул клешней выброшенную,
но еще не потухшую сигарету, уволок к себе в
подземелье — оттуда недолго вился дымок.

Зачем травмировать нежную душу первоклаш-
ки? И я мысленно переписываю открытку: «Купа-
юсь, загораю вместе с крабами...»

Благодать и безмятежность сморили вашего
спецкора, и он уснул под палящими лучами сном
младенца.

Очнулся, заслышав вокруг себя движение и
говор. По всему пляжу сидели группами солдаты в
пятнистой форме, поглаживали стволы автоматов,
переговаривались. Поодаль на дороге виднелись
пять грузовиков, на которых приехали бойцы.

— Что случилось, амиго? — спросил я ближай-
шего пулеметчика.

— Лучше вам отойти подальше, — ответил он,
глубоко затянувшись сигаретой. — Банду будем
брать.

— А где она?

— Вон, в ресторане сидят, обедают, — кивнул он
в сторону придорожного ресторанчика. — Еще не
знают, что на десерт им сегодня приготовлен свин-
цовый компот.

Но он ошибся, бандиты догадывались...

Пляжную тишь, словно ножницами, обрезала
автоматная очередь. Пули, попадая в камни волно-
реза, с визгом разлетались в стороны. Офицер дал
короткую команду, и бойцы быстро заняли пози-
ции. Проворно вернулся на свой «боевой пост» и я:
залез по уши в океан и стал ждать окончания
перестрелки.

Прошло минут пятнадцать с начала операции, и
все было кончено. Бойцы деловито перевязывали
раненых, собирали амуницию, залезали в грузови-
ки, увозили пленных — для этих бандитов война
против своего народа была закончена.

В воздухе снова повисла райская тишина, лишь
океанский бриз развеивал запах пороха...

Позднее ангольские друзья рассказывали, как в
прошлом году сюда же, к прибрежным водам,
подозли быстросходные катера ЮАР и высадили
десант акванатистов из УНИТА. Затея та, как и
многие другие, провалилась. Но попытки запугать
кровавым террором, подорвать экономику молодой
республики продолжают. Почти каждый день
банды пробираются в глубь страны с юга, обычно в
них до 80 человек, впоследствии разделяющихся на

мелкие группы. Заходя в мирную деревню, бандиты
принуждают женщин, словно выюнных животных,
тащить оружие и мины в корзинах на голове, а сами
следуют за ними по пятам. Их цели — мосты, неф-
техранилища, продовольственные склады. Попутно
они охотятся за активистами МПЛА — Партии тру-
да. Такова стратегия Савимби, величаемого амери-
канским президентом «борцом за свободу». Основу
его воинства составляют мародеры, уголовные эле-
менты и безграмотные крестьяне, знать не зна-
ющие, за что воюют. УНИТА держится на страхе:
несогласного расстреливают мирных жителей или
пытающегося сбежать закалывают на глазах у
новобранцев штыками.

Симош вернулся за мной на пляж. Наш «лен-
дровер», словно осатанелый гнедой, несется по
раскаленной солнцем трассе к Виане. К мелька-

ющим баобабам трудно привыкнуть — вот уж пои-
стине исполины флоры. Завали один такой где-
нибудь в Сибири — и выполнен недельный план по
лесоповалу.

Работники сельхозкооператива — точнее, работ-
ницы, их подавляющее большинство — выращи-
вают капусту, картофель, собирают плоды папайи и
манго, все это продают государству. Председатель
Гонсалеш с гордостью показывает свое обширное
хозяйство. Оно действительно велико, есть даже
небольшая плантация тугих красных роз с будто бы
склеенными лепестками, называемых здесь «фар-
форовыми».

Работницы с нескрываемым любопытством ме-
ня осматривают, от души удивляются, откуда «рус-
су» знает португальский язык. Оказывается, я
первый советский, которого они видят.

— А хотите сорвать папайю? — смущенно и в то
же время чувствуя негласную поддержку подруг,
спрашивает мулатка по имени Тереза.

Дерево папайи высокое и без веток, у самой
пальмовидной кроны желтеют крупные плоды,
похожие на наши дыни. Эхма, где наша не
пропадала! Безоглядно лезу. Наконец, верхушка.
Хватаю плод, но тут внезапно из кроны высовыва-
ется ощерившаяся змеиная голова и застывает
перед самым моим носом. От ужаса скользну вниз
по стволу, как заправский пожарный — по столбу.

Работницы дружно хохочут:

— Это же обыкновенный хамелеон, безобидная
тварь! Он поднимался по дереву рядом с вами,
только с обратной стороны!

После моего «боевого крещения» мы оконча-
тельно подружились. Жаль, но пора прощаться: у
Симоша еще дела в городе. Гонсалеш с девушками
провожают нас до дороги, машут на прощание
руками.

Из радиоприемника в машине несутся задорные
мелодии. Это песни-победительницы фестиваля ан-
гольских пионеров. Праздник творчества детей про-
водился во всех провинциях страны.

«Весь мир — это ребенок,

Это карусель наших надежд!...» — весело тянет
детский тенорок, и я уже представляю себе, как
классный руководитель читает вслух мою открытку
о счастливой жизни ангольских ребятишек...

На полпути нас догоняет длинная кавалькада
«газиков», они непрерывно сигналият. Уступаем
дорогу. Рядом с водителем сидит женщина в воен-
ной форме, ветер неистово треплет ее волосы. Но
почему невозможно оторвать взгляда от ее лица,
словно вылепленного из воска, лица мадонны с
чеканом трагизма? Перевожу взгляд и вижу на ее
руках ребенка — он весь в бинтах, испещренных
пятнами цвета... «фарфоровой» розы. Кровь! Жи-
вого места нет. На миг встречаюсь с женщиной
глазами — в них невыразимая боль, отчаянное бес-
силие взрослого человека перед трагедией малыша.

В др-
дети.

Что л-
жгли дет-
Савимби-
проникн-
дентом К-
самом ч-
канские
ные чек-
ду?»

А стр-
значит,
популяр-
вается
ря, мас-
ней тра-
Как

Словно
Присмот-
фальт.
чтобы та-
ностью
Юная
ные рож-
гласила
лась че-
шамана
выстрои-
ми над

— А
Папаша
без двер-
назад.
танцую-
дится и,
отъезжа-
— А
шего сь-
— О
Добр

Лечу-
ной про-
Гагарин
приземл-
вых ме-
ная стол-
житься
километ-
на отме-
дерева
местах,
Прош-
железоб-
специал-
варища-
— С

спокойн-
родом с-
мосты —
«выпека-
Намиб-
Дер-
плантан-
— В

должае-
зеницу,
затено.
кивает
ев.

До ч-
Намиб!
Кононо-
песок...

Мы
когда со-
месяц,
ный Кр-
засыпав-
мостов-
так, что
свет.

Так
Анголе?

угих машинах — такие же искаленные
 теперь взорвали унитовцы? Школу? Подо-
 ский сад? Да, как бы сладко ни улыбался
 американским фоторепортерам, какие бы
 оленные речи ни произносил перед прези-
 США, история уготовила ему место в своем
 ерном списке. Знают ли почтенные амери-
 конгрессмены, на что идут многомиллион-
 и их страны, выдаваемые «борцу за свобо-

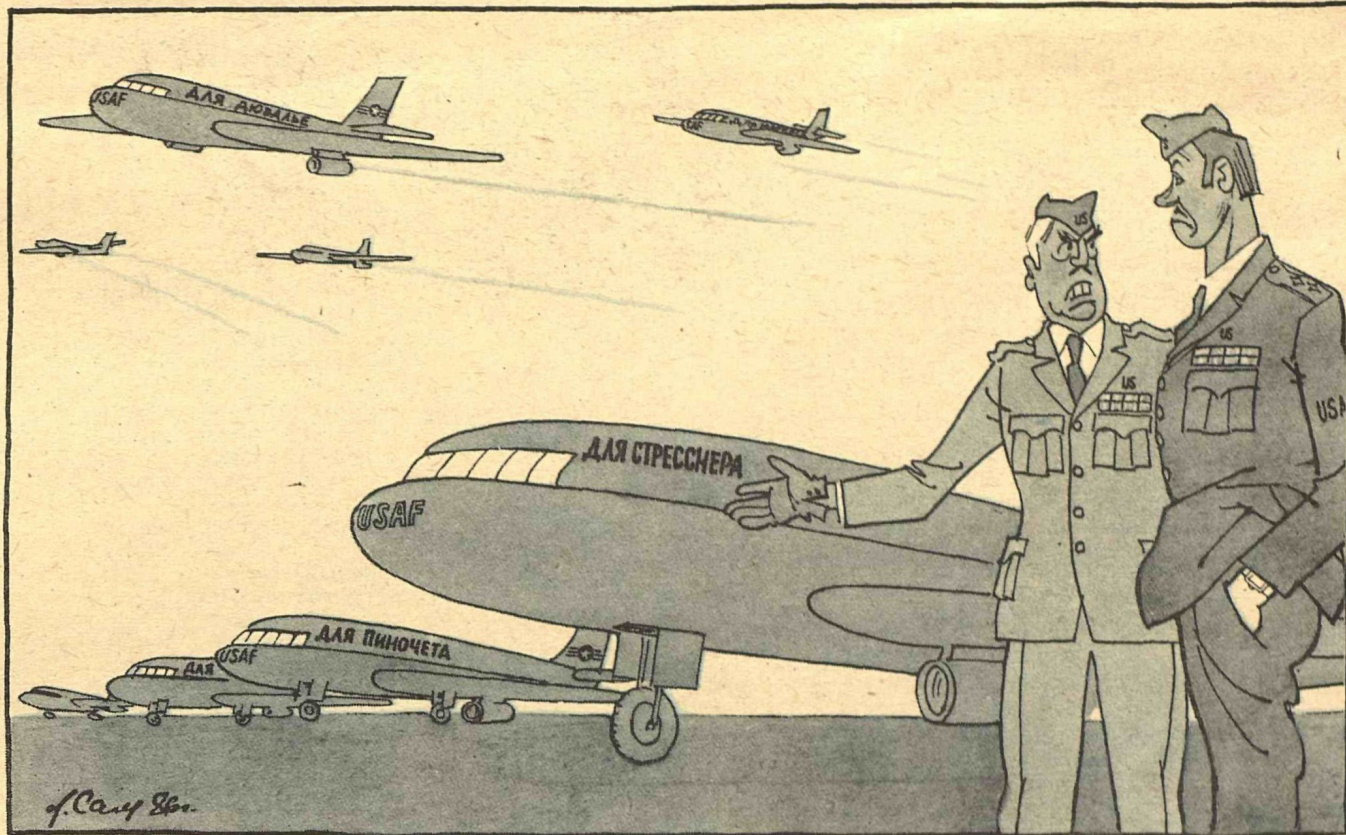
рана живет. Воюет и живет. А раз живет,
 и веселится. Да еще как! Я побывал на
 ном празднике Песчаной Косы — так назы-
 емидневное искрометное, по-нашему гово-
 ровое гулянье, происходящее по многолет-
 диции на песчаной косе близ столицы.
 они танцуют, ну это просто немыслимо!
 под босыми ногами раскиданы жаркие угли.
 ришься — нет углей, обыкновенный ас-
 Наверное, нужно родиться африканцем,
 анцевать так неистово, темпераментно, пол-
 отдаваясь музыке.
 а анголка — волосы заплетены в бесчислен-
 ски (модница по здешним понятиям) — при-
 мения на самбу. Правда, моя самба оказа-
 м-то средним между танцем-заклинанием
 и пародией на чечетку. Не беда, вокруг
 лись люди, в такт музыке хлопают ладоня-
 головой, подшучивают, от души смеются.
 ванте, аванте! — слышу я. Обращиваюсь
 семейства выезжает в стареньком «пежо»
 рей. Аккумулятор, очевидно, сел года два
 Гарантас разгоняют двенадцать сыновей,
 дие уступают им дорогу. Наконец, он заво-
 издав серию хрюкающих звуков, рывками
 ет.
 как же он вернется? — спрашиваю у стар-
 на.
 не волнуйтесь, прохожие всегда помогут!
 одушны и гостеприимны ангольцы.

на юго-запад, в Намиб, столицу одноимен-
 винции. Там, в аэропорту имени Юрия
 а, пересаживаемся на вертолет и вскоре
 яемся в одном из самых мрачных и суро-
 в в мире — пустыне Намиб. Лишь загадоч-
 летняя колючка велвиччи умудрилась при-
 в мертвых песках, растянувшихся на сотни
 ров. Столбик термометра прочно держится
 тке 50. Но что это, мираж? Впереди вижу
 , рядом примостились постройки. И это в
 прозванных португальцами концом света!
 изводственный комплекс по изготовлению
 бетонных мостовых конструкций советские
 исты строили совместно с ангольскими то-
 ми.
 мостами в Анголе напряженка, — чуть окая,
 о говорит старший мастер Сергей Кононов,
 он из Вологодской области. — Потому как
 — излюбленные мишени унитовцев. Вот и
 ем» мы тут конструкции. Затем их везут в
 а оттуда — к взорванным мостам.
 вья, увиденные мной с вертолета, оказались
 ией папайи.
 зили почву в мешках на вертолетах, — про-
 Кононов, — берегли каждое деревце как
 ока, а все равно не верил никто в нашу
 Теперь вона! — подмигнув, он с гордостью
 в сторону шести десятков красавцев деревь-

возвращались в Луанду поздним вечером,
 лице давно уже упало в океан. Лег на спину
 а выше, над самой головой, вспыхнул Юж-
 рест. Город в люльке лагуны потихоньку
 , и лишь вооруженные патрули цокали по
 м надраенными ботинками. Надраенными
 о в них отражался, переливаясь, лунный

что же я скажу дочке? Война или мир в

Луанда — Намиб — Москва.

— Так и самолетов не хватит!

Рисунок Л. САМОЙЛОВА.

Рисунок В. УБОРЕВИЧА-БОРОВСКОГО.

Сивка-бурка

Галопом детская лошадка
Летит на выгнутых полозьях.
Вглядись! Знакомая повадка
В ее самодовольной позе.

Наморщен лоб, раздуты ноздри,
Грудь колесом у сивки бурой.
Ни кочки на пути, ни козны
Не смогут сбить ее с аллюра.

Аллюр проверенный у сивой:
Вперед-назад, туда-обратно...
Быть может, это и красиво,
Но цель какая, непонятно!

Весь день пыхтеть, скакать карьером,
Не сдвинувшись ни на йоту...
Что послужило ей примером?
Чья неразумная работа?

В том доме, где она у деток
Любимым служит развлечением,
Отец семейства, он же «предок»,
Имеет должность в учреждении.

Весь день он, не вставая с кресла
Пыхтит на службе до заката.
А дело ни на шаг, ни с места,
Вперед-назад, туда-обратно...

Не плотник он и не высотник,
Не хлебопашец и не мельник,
Не рыболов и не охотник.
Его профессия — бездельник.

Служебных дел он в день до сотни
Без проволочек заморозит!
Вглядись! Какой же он работник?
Он сивка-бурка на полозьях.

Королевский синдром

Стояло в парке изваяние
Из камня и пенобетона.
Гибрид из рухнувшего здания
И нерасцветшего бутона.

Гуляли граждане аллеями,
Искали зрелище по вкусу
И, может быть, мечту лелеяли
О приобщении к искусству.

Узревши изваянье, граждане
Раскрыли рты от изумления.

Естественно, охота каждому
Осмыслить данное явление.
Одни высказывают мнение,
Что это кораблекрушение.

Другие, что землетрясение,
А третьи — светопреставление.

Фантаст, выдавший виды, спору нет,
Глазища в изваянье впериши,
Увидел мир частиц ускоренных
В бетонно-гравиевом зрелище.

Наум Лабковский

Иронизия

Две девушки во всем вельветовом,
От зрелища балдея этого,
Боясь, не проглядеть бы гения,
Заходятся от восхищения:

— Какая современность виденья!
— Скульптура явно иностранная!
— Из камня девушка на выданье!
— И к ней бетонное приданое!..

Гражданка в шляпке с вуалеткою
В сомненьи: «Что-то не постигну я,
Как этакою статуэткою
Смогу украсить я гостиную...»

И доки-интеллектуалы,
И простачки-провинциалы,
И старушечки с авоськами —
Все селятся пофилософствовать.

И лишь старик глубокомысленно
Вздыхнул: «Понять сие немислимо!
Но коли это в парке свалено,
То кем-то, стало быть, похвалено».

Пусть мнение старца было спорное,
Но следует отметить вкус его:
Торчала в парке беспризорная
Гора строительного мусора.

Сюда ремонтниками сброшена,
Травой зеленою проросшая,

Наивных граждан огорошила —
С художеством абстрактным схожая.

И в общий хор восторгов зрители
Торопятся свой комплимент внести,
Поскольку неохота выглядеть
Образчиком некомпетентности...

Синдром подобный был с невеждами:
Хвалили короля угодливо,
Восхищены его одеждами.
А был державный без исподнего...

Льются ливни

Что ни лето — спасу нету!
Льются ливни на планету.
В небо я смотрю с укором,
Как на хитрого врага.
План по утолению жажды
Выполняет небо дважды,
Пашни превратив в озера,
В топи превратив луга.

Пушки грозового фронта
От меня до горизонта
Без простоя, без ремонта
Беспорядочно палат.
Все лимиты небосвода
Иступленная природа
В счет двухтысячного года
Изливает на поля.

Дети в слезы: все прогнозы
Обещают град и грозы.
А для игр детишкам впору
Ясный день и солнца свет.

Проснулся от того, что за стеной затарахтел, будто мотоцикл, неисправный кран. Стена его комнаты примыкала к ванной в соседней квартире, сильно умный архитектор придумал такую планировку.

Вскочил в ярости, готовый стену проломить и тряхнуть того, кто с крепкими нервами каждое утро умывается ни свет ни заря. Но сам себя осадил: было даже неплохо, что разбудили, — нужно бежать в поликлинику, лаборатория до десяти, а без справки не дадут путевки на турбазу — и тогда прощай горные лыжи и Новый год с Натальей в альпинистской палатке.

Побрился, натянул куртку, перепрыгивая через две ступеньки, спустился вниз. Время не поджимало, просто приятно было поразмяться, вот и скакал — вместо обычной зарядки. Отомкнул ячейку с номером своей квартиры на металлической дверце. Обе утренние газеты лежали на месте. Надо бы захватить, а то опять исчезнут, подумал он, но не сделал этого, не хотелось занимать руки даже пустячным предметом и тем отягчать энергичную легкость тела.

Улицу, понятное дело, уже с неделю не убирали: к троллейбусной остановке шел осторожно, едва переставляя ноги, — под снегом гололед, не хватает только перед отпуском навернуться.

Людей на остановке скопилось много. Слабонервные не выдерживали, пытались остановить такси. Машины ехали мимо. Очередь возмущалась:

— Надо же, как снег повалит, никуда добраться нельзя. Впору самим лопаты брать и дороги чистить...

«А что, а что, и возьмите», — чуть было не подначил он недовольных, но сдержался. Нехорошо. Сам-то куда не опаздывает, а народ спешит, нервничает. Блаженствовал, подставив лицо крупным снежинкам и почти задремывая: какое счастье, зима, морозец, впереди — десять дней фантастического горного отдыха... И Наталья рядом. Неужели сбудется и они уедут вдвоем?

Троллейбус подкатил до того туго набитый, что казалось, вот-вот лопнет и развалится. Он и не пытался в него втиснуться. Ждал. В следующий — этот тоже пришел не скоро — удалось-таки влезть, правда, самым последним, нажав на выпирающую из дверей человеческую массу грудью и животом. Но на нижней ступеньке уместился. Двери сомкнулись, сдавив его локоть будто тисками. Он зажмурился от боли. Остатки сна и мечтаний шелухой облетели с ленивого, еще не включившегося на полную катушку разума. И не предполагал, что у этих створок мертвая хватка. Резиновые прокладочки вроде. Ан нет, голый металл. Хорошо, куртка толстая, смягчала жим капканей стали.

Едва троллейбус притормозил и дверные челюсти его выпустили — соскочил, согнулся, стал пострадавший локоть массировать, и боль слегка поутихла.

Но нет худа без добра. Пока приходил в себя, троллей-

бусы пошли чаще. И он сел в относительно пустой, правда, теперь уже опаздывая. Пассажиры сдавливали не так сильно, как металл, но все равно — если бы он был тубиком пасты, выжали бы до капли. К тому же и тащился караван-сарай, как он сам про себя называл этот вид муниципального транспорта, черт знает до чего медленно, словно тоже боялся поскользнуться. А может, просто троллейбус попался старый, неповоротливый, больной. Задняя дверь тарыхтела, как неисправный кран, буксовала, но сомкнуться не могла.

— Не держите дверь. Кто там держит? — в микрофон сердился водитель.

Андрей
ЯХОНТОВ

Рассказ

НЕ ПРИВЫКАЙТЕ!

— Никто не держит, езжай давай, — отвечали ему вразнобой несколько голосов.

— Пока дверь не закроете, не поеду, — свирепел водитель.

— Помогите ей, а то грыжу заработает, — пошутил кто-то из глубины.

Мужики дружно начали толкать дверь, створки ее с легком распрямились. Троллейбус дернулся.

На следующей остановке повторилась та же история.

— Кто там хулиганит? Ну-ка, уймись, — требовал шофер.

— Да кому хулиганить, опаздываем все, — взмолилась женщина в вязаной шапочке, сбившейся набок.

— Прекратите, — не слыша ее, настаивал шофер.

Пассажиры опять загалдели, объясняя, в чем дело.

— Заклинило твою дверь!

— Так ведь и будем стоять, — упорствовал шофер.

— Эй, водитель, ты нас не серди, а то обругаем тебя хором, — выделился из общего нестройного гула мужской дискант.

— Хором на два голоса, — весело откликнулся ему задорный женский.

Водителя, видно, взбесило, что люди веселятся, — он выскочил из кабины и вдоль машины побежал к задней площадке.

— Ага, сломали дверь! — закричал он. — Доигрались. Все вылезайте, в неисправной машине не повезу!

— Так их, правильно, сынок, — поддержал шофера небритый старичок в потертой ушанке.

— Как это не повезу? Ишь ты! — зашумели остальные. — Ишь, раскричался!

Он взглянул на часы. Время катастрофически утекало.

— А вот и не повезу. Все вылезайте, — еще раз осмотрев дверь, закричал водитель. — Чего стоите! Глухие, что ли? Поднялся гвалт.

— Как это? Не имеешь права!

— А вот и имею! Ты из открытой двери на ходу выпадешь, а мне потом отвечать?

— Не на прогулку едем, — опять отделился от общей массы знакомый мужской дискант. — Колеса не слома-

ны — и езжай.

— У себя на службе правила устанавливай, дурья твоя башка, — заорал шофер. — Если у телевизора лампочка какая перегорит, то ведь он все равно неисправным будет! А тут дверь не действует. Все вылезайте!

— Ух, молодец! — передернул плечами небритый старичок в потертой ушанке.

Женщина в окончательно сползшей вязаной шапочке пробралась к задней площадке и напала на безмятежно уперевшего руки в бока шофера.

— Часами на остановке стоишь ждешь — не ходят троллейбусы. А тут сели — и нате, пожалуйста, сходи.

— Сходи, сходи! — подхватил шофер.

— Чем вопить, взял бы да починил.

— Нечего из парка выезжать, если неисправный, — поддержал женщину мужчина в распахнутом пальто.

— Езжай, не выпадем! — пообещало сразу несколько голосов.

— Не выпадете, так простудитесь, — огрызнулся водитель. В голосе у него, однако, прозвучало сомнение. Зевнул, потрянул дверь, она захлопнулась.

— Сразу видать, рабочий человек, все у него ладится, — восхитился старичок.

Поехали, но дверь сомкнулась неплотно, в проем задувал ветер, заносил снежинки.

Он и вправду покашливал, когда входил в поликлинику. Как бы не послали на флюорографию. С них станется! Сдерживая дыхание, постучал в дверь лаборатории.

— А вы опоздали, — ответила девчонка-финтифлюха в белом халате. — Мы до десяти из пальца берем.

Киностудии в простое:
Дело вроде бы простое:
Есть сценарий, есть актеры,
Есть натура... солнца нет!

Не ясны мне планы неба.
Знаю, нужен дождь для хлеба.
Но во всем полезна мера:
Дождь в страду — незваный гость.
Как быть году урожайным?
Ведь подводные комбайны
Разработать инженерам
До сих пор не удалось.

Нет моей над небом власти!
Я по стихотворной части.
Если солнце не согреет,
Если не уймется дождь,—
Продовольственной программе
Посодействую стихами:
В силах ямбы и хорей
Делу доброму помочь.

Только Зевс от лета к лету
Превышает ливне-смету.
С ним поэт в единоборстве
Неизменно терпит крах.
Сколько б ни было отваги,
При таком обилии влаги
Невозможно стихотворцу
Избежать воды в стихах.

Но терпеть нельзя, однако,
И в небесных сферах брака.
Бракоделов в атмосфере
Я насмешкой пристыжу.
Пусть дадут, на радость злкам,
Лето с качественным знаком —
Я в лирической манере
Это лето опишу.

— Сейчас десять минут одиннадцатого.
— Вот я и говорю — опоздали. Все отправлено уже.
Завтра приходите.
— Я завтра в утреннюю смену, — сделал попытку ее разжалобить он.
— Тогда послезавтра.

Он вышел на улицу. Постоял возле сугроба, ковыряя кофейного цвета снег носком ботинка и вспоминая, какие еще дела сгруппировал на утро. Ах да, перед отъездом надо бросить поздравления родным и знакомым. Направился к газетному киоску. За стеклом висела табличка «Киоскер болен». В двух других киоскеры наличествовали, но не было поздравительных открыток.

— Хватились! Они за месяц до Нового года кончаются.
Уже не надеясь, свернул к магазину канцтоваров, который зачем-то переименовали в «Оргтехнику». Здесь открытки на витрине лежали веером.

— Только они все бракованные, — предупредила продавщица.

— Тогда давайте набор с конвертами, — вздохнул он. Эти были и подороже, и не такие красивые. Но что делать!

Она отсчитала десяток, как он просил, и завернула стопку в грубую серую бумагу.

В булочной купил хлеба. Взгляд прилип к застекленному прилавку с тортами. Вечером обещала зайти Татьяна. Надо наконец сказать ей, что они растаются. Она-то рассчитывает встретить Новый год с ним. Хотя так, тортом подсластить.

— Свежие?

— Свежие, — ответила продавщица. — Только тесьма у нас кончилась, коробки перевязывать нечем.

Он все же купил. Сперва нес коробку на ладони, как птицу, которую собираются выпускать, потом осторожно, боясь смять, прижимал к талии, потом ставил на снег и давал затекшей от напряжения руке отдохнуть.

В подъезде поставил торт на ступени, отомкнул металлическую дверцу секции. Газет не было.

Дома попил чаю, торт начинать не стал. Сел за стол и написал первую открытку:

«Поздравляю вас. Надеюсь, что в следующем году нас ожидает другая, не такая жизнь».

Хотел вложить открытку в конверт, но все конверты были обгрызены, будто мышами.

Он рванулся одеваться. Открытки с конвертами снова замотал в грубую серую бумагу. Но глянул в окно и растегнул куртку: народу на остановке толпилась тьма.

За стеной затарахтел кран, это вернулся после утренней смены сосед.

Он сел и откинулся на стуле. Подумал: «Чем эти троллейбусы, куплю себе мотоцикл. Денег, если не ездить в горы, как раз хватит. И Татьяна не надо ничего говорить. Ей приятно будет, если я останусь».

Рисунок Н. ВОРОНЦОВА (г. Ленинград).

— У меня тут есть ряд критических замечаний в адрес строителей данного забора.

Рисунок
Е. МИЛУТКИ.

Тридцать лет — возраст, когда впереди больше, чем позади. Именно поэтому не будем углубляться в не очень историческое прошлое журнала «Ара» («Шмель»), а только воспоем славу первым шмелевским авторам, которые закладывали наш фундамент и сделали его прочным и основательным.

В год XXVII съезда КПСС почти подмиллиона читателей — почитателей сатиры и юмора Казахстана раз в месяц имеют возможность досконально изучить боевую обстановку на сатирическом фронте.

За тридцать лет «Шмель» проживал все уши многим тысячам нарушителей государственного и общественного порядка относительно того, как нужно жить на свете, чтобы больше про них не писали фельетонов. И хотя основная офельетоненная масса граждан чаще всего действительно берется за ум, работы все равно хватает. С одной стороны, это, конечно, хорошо, так как журнал сохраняет возможность отметить и последующие юбилеи. Но все-таки, несмотря на любовь к своему журналу, сатирики нисколько не обиделись бы, если бы вскоре для них совсем не нашлось работы...

Габбас КАБЫШЕВ,
главный редактор «Ара».

Марат
НУРКАЛИЕВ

В СЕЛЬПО

Диалог покупателя с продавцом

— Опять до осени уйду с отарой в степь...

— Тяжел ваш труд, ага¹...

— Терплю, дружок, чтоб скот за лето креп...

— Я ваш слуга.

— Заказов много, как бы довести!

— Я жду, ага.

— Все нужно нам на кочевом пути...

— Я ваш слуга.

— Старуха чайник просит и конфет...

— Увы, их нет.

— Тогда пиал бы — все произвели...

— Не завезли.

— Так, может, седла есть и хомуты?

— Я б всей душой...

— А сапоги, халаты и унты?

— Нет. Спрос большой...

— Но рис-то уж, наверно, есть для плова?

— Все, что хотите... из спиртного!

Перевел с казахского
Л. ХАНБЕКОВ.

¹ Ага — обращение к пожилому мужчине.

— И в кого ты такой уродился?

Рисунок В. МУНА.

НАРОДНЫЕ УСМЕШКИ

Аскарбека укусила бешеная собака. Вернувшись домой из больницы, где ему сделали укол, он принялся что-то писать на листке бумаги.

— Что ты пишешь? — спросила жена.

— Список людей, которых надо искушать, если укол не действует...

— Где вы собираетесь провести отпуск?

— Если Сеитов вышлет мне долг, то всей семьей поедем на море.

— А если не вышлет?

— Тогда поедем к Сеитову!

— Ты почему не ешь, Маке? — спрашивает мать маленького сына. — Только что сказал, что голоден, словно волк!

— А ты когда-нибудь видела волка, который ест морковку?

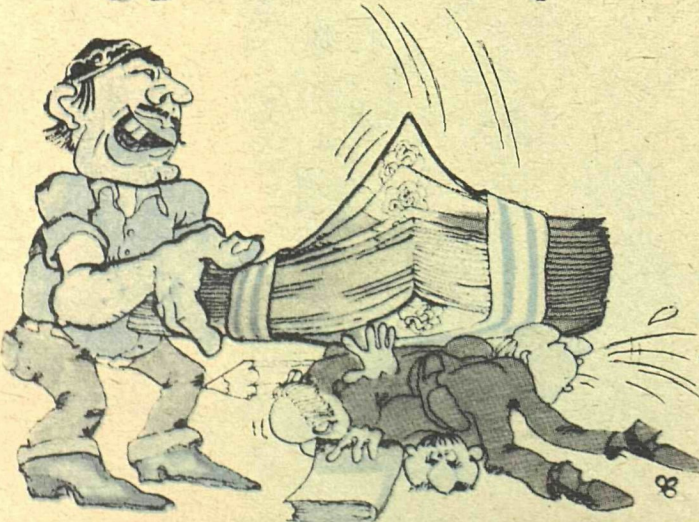
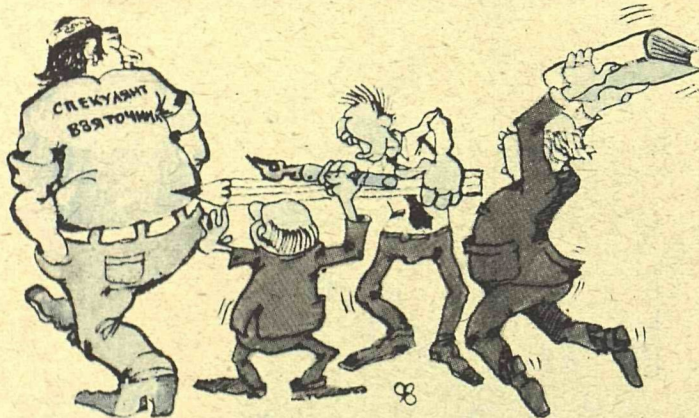

Рисунок В. ЯРОШЕВСКОГО.

Станислав МАЛОЗЕМОВ

ВСЕ ПО НАУКЕ

Рассказ

— Ку-ку, — игриво сказал некто Жорж Тулебаев, открывая французским ботинком дверь, на которой висела табличка «Директор магазина Мамиев Б. Ф.».

Директор Мамиев поглядел на него без выражения и отвернулся.

— Так это... — обалдел Жорж. — Это я, Жоржик. Ну?.. Вот глядите... Ботиночки «Марсель»... Курточка «Чори», штанишки «Микки» и кепочка «Пек-Кен». Ну? Все же от вас!.. Жоржик я, который от Сергей Семеныча.

— А хоть от Змея Горыныча! — сказал директор Мамиев и грубо хихикнул. — Видал я вас... всех...

— Интересно, интересно, — всколыхнулся Тулебаев, поправил на себе курточку «Чори», подтянул штанишки «Микки» и убежал.

Через полчаса он вернулся вместе с гражданином большого размера, который шел к двери с табличкой, как дрессировщик в клетку — прямо и с улыбкой.

— Ну, — сказал он, выростая на пороге, — кто тут не знает Сергей Семеныча, а?

— Я не знаю! — нетвердо ответил директор Мамиев, упираясь взглядом в квартальную сводку товарооборота. — Магазины маленький, товар слабенький, все, что есть, на прилавке лежит, согласно установленного...

— Ничего себе! — свистнул гражданин, автоматически присаживаясь на свободный стул. — Да ты глаза-то разуй! Ты кому это хамишь, а?

— Согласно инструкции... — взмок директор Мамиев. — Приказ № 211/4... Исходя из соображений... — Он достал из стола бумажку. — Учитывая всевозрастающий... Включая сюда... Это... Весь полученный товар — на прилавке... Ничего не знаю!

— Во дает! — изумился Сергей Семеныч и стал усиленно багроветь. — Учитывая, значит! Включая! Ну, как желаешь!

Он развернулся, схватил Жоржика Тулебаева за уголок курточки «Чори» и в беспокойном состоянии покинул кабинет. Стоило им отойти на несколько шагов, как хлопнула дверь, и, оглашая коридор причитаниями кающегося грешника, к начальству приблизился директор Мамиев.

— Сергей Семеныч, дорогой! Жоржик! Не уходите, миленькие... Чтоб ей пропасть, этой научной организации нашего труда! Навешали телекамер по кабинетам — сил нет... Слова лишнего не скажешь... Я уже всех друзей и родственников распугал. Кошмар... Вон и сейчас работает глаз всевидящий. И семь минут до конца связи еще... Не могу!!!

— Тьфу ты, — вздохнул Сергей Семеныч и успокоился. — А я думал, ты свихнулся... Научной, говоришь, организации боишься?.. Телекамера, значит, замучила? Ну, а для чего эти камеры работают, ты знаешь? Это ж у меня в кабинете телевизор-то стоит. Это ж я тебя, милый, контролирую!!!

— Ну да? — вздрогнул директор Мамиев. — Правда? Дорогие, миленькие! Да я для вас... У меня ж все склады как один в импорте! У меня ж одних штанишек шестнадцать сортов! А кепочек завезли всяких — жуть! Сей момент. Восемь секунд. Я убежал...

— Шесть штанишек! — крикнул ему вслед Жоржик Тулебаев. — Зря, что ли, нервы тут трепал... И три кепочки.

— Ну, артисты, — обратился Сергей Семеныч непонятно к кому.

Когда железнодорожники передали Каневскому районному узлу связи накладную без груза — холодильной машины, предназначенной для одной из строек этого района, и сказали, что груз потерялся, начальник этого узла Ф. Кривцун удивился. Он знал, что между ним и отправителем груза пролегают лишь триста километров пути с тремя станциями. Ну, где здесь потеряться тяжеленному контейнеру?

Но на запрос о розыске пропажи все три станции, как сговорившись, не ответи-

ли. Не помогло даже сообщение, что отсутствие груза срывает сроки ввода народнохозяйственного объекта.

менов предложил великолепный путь розыска груза: «Вам необходимо обратиться в Актово-претензионный от-

РОЗЫСК УВЕНЧАЛСЯ...

Через месяц — воззвал Ф. Кривцун в железнодорожные «верха» — послал телеграммы в МПС, управление Северо-Кавказской железной дороги и Краснодарскому отделению дороги. «Отсутствие холодильной машины», — писал он, — срывает монтаж импортного оборудования».

Ровно через четыре недели ему ответил заместитель начальника отдела контейнерных перевозок и коммерческой работы Краснодарского отделения дороги Н. Пименов. Нет, он не утешал потерпевшего. Тов. Пи-

дел управления Северо-Кавказской железной дороги в Ростове-на-Дону».

«Зачем ума искать и ездить так далеко?» — подумали связисты словами известной комедии Грибоедова и на всякий случай командировали работника на те три станции. Прибыв на первую же станцию, а именно в Краснодар, этот работник уперся лбом в искомый контейнер с трехтонной холодильной машиной внутри. Оказывается, все три месяца розысков контейнер был в двух шагах от пименовского кабинета.

ЧУДО В РЕМОНТЕ

двое даже работают в телеателье, но и они опустили руки. В районном телеателье посоветовали отвезти видеочудо в Волгоград, но там сказали: «Этого добра у нас и без вас полно». С трудом, но все же приняли. А когда привезут чудо в порядок, неизвестно. «Для начала загляните через годик», — услышали мы.

По поручению дискотеклаба «Голос времени»
С. СЛЕТА, А. СМЕЛОВ
и другие
(всего пять подписей),
г. Котельниково,
Волгоградской области.

последние двенадцать лет жильцы дома написали более двадцати писем в различные инстанции с жалобами на аварийное (что они понимают!) состояние подвала. Признаться, поначалу мы пугались и прятались по углам, когда в подвал с грохотом спускалась очередная комиссия, латались трубы, откачивалась вода. Но, слава богу, большинство этих писем в конце концов попало к Вам, наш дорогой друг, и скоро мы убедились, что страхи напрасны: проходит месяц-другой, и все остается по-прежнему — вода на полу, мы, комары, на потолке.

А пишем мы вот зачем: просим выделить в наше распоряжение еще пару подвалов в соседних домах, ибо на существующей площади нам уже тесновато.

Уверенные в Ваших чувствах, надеемся, что наша просьба в отличие от просьб жителей дома № 64 не останется без внимания.

Любящие Вас представители 27-го отряда двукрылых, второго подкласса крылатых, класса насекомых,

Письмо группы комаров, как выяснилось, адресовано начальнику управления жилищного хозяйства г. Казани А. И. Горнаку.

Распишитесь в получении, Александр Иванович!

Уважаемый Александр Иванович! Пишат Вам комары, проживающие в подвале дома № 64 по ул. Татарстан. Не раз мы уже имели возможность убедиться в Вашем добром к нам отношении. Если сегодня в нашем подвале вдоволь застойной воды, если в воздухе стоит пар, то мы твердо знаем, что за это мы должны благодарить именно Вас!

Разве могли бы мы уцелеть среди всеобщей дезинфекции и санитарии, не будь Вашей заботы? Ведь только за последний год наш подвал три раза обрабатывали работники санитарно-эпидемиологической станции. Но пока Вы с нами, нам все нипочем.

Честно говоря, при заселении дома в 1966 году мы не могли рассчитывать на большее, чем лужа воды на холодном полу. Однако начиная с 1973 года атмосфера в подвале стала понемногу теплеть. А после ремонта в 1976-м горячий пар из труб забил в полную силу.

Нелегко Ваш труд! За

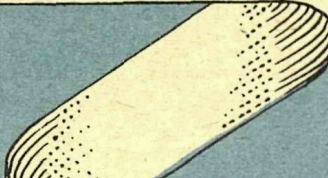
Вот так лавры!

Уважаемый Крокодил! Купила я три пакета лаврового листа. Все три были туго набиты этикетками с надписью «Грузинская ССР. Союз потребителей». Лавровый лист. Хобский лавровый комбинат». И не лавром эти листки благоухали, а, понятно, типографской краской.

Из чего, по-моему, следует, что если руководители этого комбината наладились почивать на лаврах, то явно преждевременно.

Л. КОЖЕМЯКИНА,
г. Амвросиевка Донецкой области.

ПОВОД ДЛЯ ВЕСЕЛЬЯ

Рассказывают, что в кабинет известного академика Н. Н. Бекетова однажды вбежал взволнованный слуга.

— Николай Николаевич! — вскричал он, с трудом переводя дух. — В вашей спальне побывал вор. Я и пикнуть не успел, как этот молодец — косая сажень в плечах — успел улизнуть.

— И что же он украл?
— Немного одежды, в том числе ваш новый фрак...

Академик, обладавший,

помимо большой учености, еще и веселым нравом, едва не подавился смехом:

— Косая сажень?! Представляю, как на нем будет выглядеть фрак! Ведь он и мне-то был не по плечу!

Как видите, чувство юмора не покинуло ученого даже в драматической ситуации. Вот бы проявить подобную веселость и нашему читателю В. Григасу, попавшему в сходную передрагу. Отправив из Смоленской области, где он

работал, свой супруге в пос. Пялденгай Кедайнского района Литовской ССР посылку с новеньким джемпером и блузкой, он с недоумением узнал, что адресат обнаружила в ящике вместо обновы только промасленный джемпер, совсем непохожий на посланный.

Естественно, что в поисках пропавших вещей наш В. Григас явился на почту-отправительницу в деревне Печеничино. Там, конечно, отреклись от ответственности и сказали, что содержимое посылки украдено в пункте ее получения. А в пункте получения жене автора письма, понятно, предложили все претензии выложить почтой-отправительнице. Круг замкнулся, узлы связи переплелись в гордиев узел. Вот почему В. Григасу не до смеха.

Моя сестра уехала в Краснодарский край навестить родителей и родила в Усть-Лабинском роддоме мальчика. Справку о рождении переслала мне, чтобы я зарегистрировала рождение нового гражданина в загсе Брежневского района. Там мне сказали, что в справке написано о рождении «ре-

А БЫЛ ЛИ МАЛЬЧИК?

бенка мужского пола», но не сказано, что родился мальчик. Нужна, мол, другая справка. Я отослала справку назад, вскоре пришла другая. Работники загса сказа-

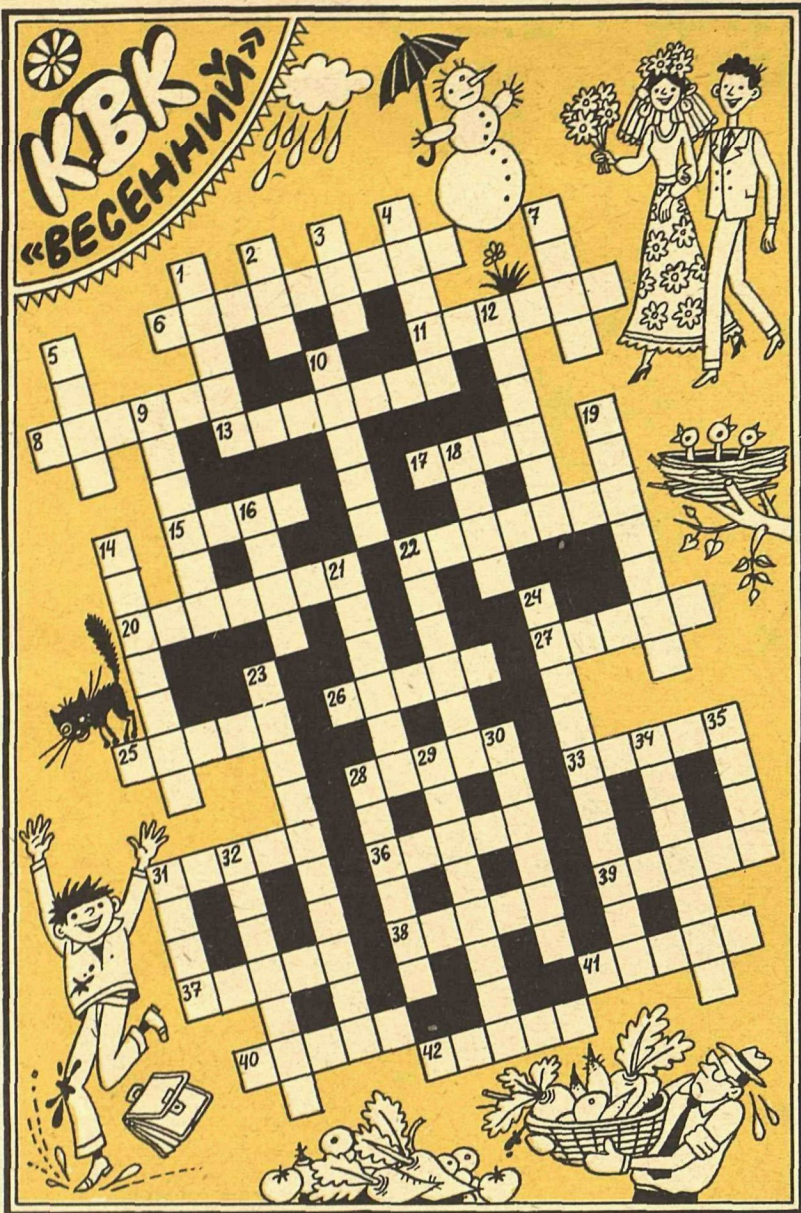
ли, что и эта справка не годится, так как написано, что она выдана вторично. А поскольку прошло больше месяца с момента рождения, то нужны еще справки:

1. Из сельсовета, что свидетельство о рождении не было выдано там.

2. Из роддома: почему вторая справка выдана с пометкой «вторично».

Вот и отгадывайте, что легче: родить ребенка или зарегистрировать?

Н. ПАНОВА,
г. Москва.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 6. Лед, от которого тают сердца девушек. 8. Весенняя птичья забота, от которой болит голова даже у дятла. 11. Примета весны в квартире, требующей ремонта. 13. Горючий документ. 15. Подтвердившийся прогноз погоды. 17. Воробьиная дискотека. 20. Один из видов передвижения по новому микрорайону в весеннюю распутицу. 22. Человек, прогуливающийся при луне (этимологич.). 25. Оттепель с точки зрения снежной бабы. 26. Плод, от которого авитаминозу становится кисло. 27. Весенний рассадник огородной зелени. 28. Флаги на башнях (балконн.). 31. Совсем юный весенний цветок. 33. Наличная печать весеннего солнца. 36. Минимально возможный темп, позволяющий в канун праздника успеть за покупками. 37. Отношение 31 марта к 1 апреля. 38. Характерная черта последних зимних метелей. 39. Купюра, имеющая активное хождение на цветочном рынке в начале весны (простореч.). 40. Стройматериал для рая на двоих. 41. Атмосферное явление, особенно любимое в начале мая. 42. Ковер, которому весенний дождик только на пользу.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Половодье (библейск.). 2. Инструмент, прокладывающий дорогу весне (дворниц.). 3. Весенняя полевая кампания, которая обеспечивает шефов осенним фронтом работ. 4. Веснушка (геометр.). 5. Березовый мечтатель в весенний день. 7. Кумир публики в сказке про Снегурочку. 9. Непостоянный представитель солнечного луча. 10. Внезональная торговая фирма. 12. Основная специальность вокалиста-инструменталиста из п. 7 этого кроссворда. 14. Весенний пик активности студента. 16. Решение жениться после первой же весенней сессии (разг.-пренебр.). 18. Ваза для букетов, которые предназначались девушкам, не пришедшим на свидание. 19. Кинематографический штамп, означающий весеннее обновление жизни. 21. Гульбище с азартом. 22. Решающий фактор в п. 16 настоящего кроссворда. 23. Цветок, который горожанину приходится доставать весной чуть ли не из-под земли. 24. Транслятор весенних песен, заглушающих звуки весны. 28. Дерево, плачущее по весне не со слезами, а сладкими слезами. 29. Сорт конфет, который не делает весны в кондитерских магазинах. 30. Обстановка в школе накануне весенних каникул. 31. Идея мужа дарить жене цветы каждый день — от 8 марта до 8 марта (разг.). 32. Весеннее гидротехническое сооружение при новостройке. 34. Качество, необходимое для визита к теще без восьмимартовского подарка. 35. Выезд автолюбителя на трассу без весеннего техосмотра.

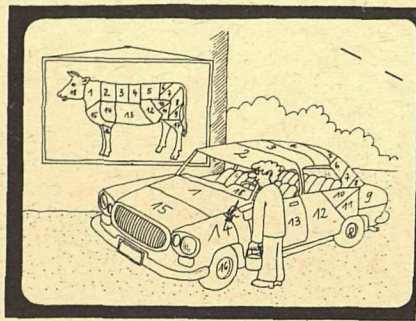
Составил Евг. ОБУХОВ.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 2. Весло. 5. Помада. 6. Вокзал. 8. Тропа. 9. Лопух. 10. Знак. 12. Сонет. 14. Финт. 16. Овца. 17. Риск. 18. Лифт. 20. Аванс. 21. Нора. 23. Повар. 25. Ранец. 26. Грибок. 27. Конура. 28. Арена.
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Болтун. 2. Ваза. 3. Овал. 4. «Тархун». 7. Эмансипация. 10. Завал. 11. Кювет. 12. Свара. 13. Торос. 14. Фасон. 15. Терка. 19. Импорт. 22. Рыцарь. 24. Рука. 25. Река.

Идут съемки фильма из жизни Древнего Рима. Во время одной из сцен режиссер замечает у актера на руке часы.
— Немедленно снимите свои часы! — кричит он ему в мегафон.
— Ничего страшного, — отвечает актер. — У меня циферблат с римскими цифрами.

Симпатичная велосипедистка проезжает перекресток на красный цвет. Поставому приходится несколько раз свистнуть, прежде чем она останавливается.
— Вы слышали, как я вам свистел? — строго спросил он.
— Да, — ответила она, — но сегодня вечером я занята.

«Нойе дойче бауэрнцайтунг», ГДР.

— Моему мужу всегда ужасно везет! Только вчера он застраховался от несчастного случая, а уже сегодня ему на голову упал кирпич.

Доктор Браун умирает. На смертном одре он обращается к своей жене:
— Смотри, не трать слишком много денег на памятник.
После того, как Брауна похоронили, на его могиле была повешена эмалированная табличка с двери: «Доктор Браун, приемные часы ежедневно с 9 до 12».

Слова, слова...

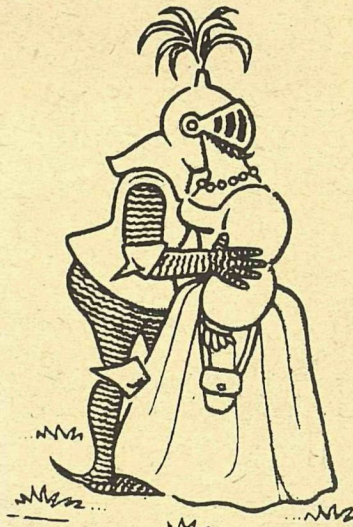
Плыть против течения лучше: меньше конкурентов.
Приписывается американскому пловцу Дж. Брассу.

Плоды фантазии не содержат витаминов.

Радослав Филипов, болгарский юморист.

Цибульский сдает экзамен на шоферские права.
— Увы! — говорит инструктор. — Вы экзамен не сдали.
— Как же я мог его сдать, если я еще не стронулся с места?
— А как вы могли стронуться с места, если вы сели на заднее сиденье?

— У меня есть лишний билет на выступление рок-группы. Пойдем?
— Ты же знаешь, что я не слышу на одно ухо.
— Не беда! Второе ухо можешь заткнуть ватой.

«Панч», Англия.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

Прислал Н. Мелешин, г. Люберцы.

«Детей надо приводить чистыми, опрятными, подстриженными, с запасным бельем и инициалами».

(Из правил в детсад).

Прислала Г. Жиронкина, Ракитянский район Белгородской области.

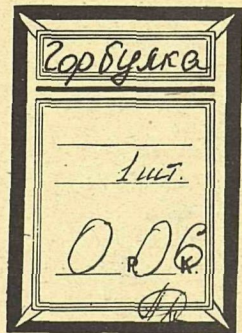
«А тех работников предприятия, которые злоупотребляют спиртными напитками, будем направлять к врачу-неврологу».

(Из протокола собрания).

Прислала Г. Скларова, г. Воскресенск.

Инспекция работает ежедневно с субботы и воскресенья.
Прием граждан во внебрачное время
Начальник инспекции

(Из бланка уведомления Госстраха).
Прислал О. Ильин, г. Брест.

(Ценник городской булки).
Прислал М. Емельянов, г. Куйбышев.

Прислал В. Бакун, г. Кириши.

Акт на сивание продукции и материалов
197 г.

(Из бланка).
Прислал М. Яковлев, г. Уяр.

Антониу ТОВАРЕШ-ТЕЛЕШ
(Португалия)

ФУТБОЛ ПО ТЕЛЕВИЗОРУ

Когда я жил в Бразилии, был у меня сосед-бразилец по имени Коко, о котором я и поныне вспоминаю с некоей долей зависти и даже преклонения. Страстный, темпераментный, энергичный Коко являл собой чистейший эталон бразильского футбольного болельщика. Не имея телевизора, всю жизнь торчал Коко на стадионе, и хотя домой приходил он охрипший и с синяками, футбольный азарт в нем не остывал ни на один градус по Цельсию.

Но как-то раз Коко не повезло: на финальный матч Италия — Бразилия он не достал билета и пришел болеть к моему телевизору.

В первые же минуты бразильцы полностью завладели игрой и забили гол. По-моему, любовь Отелло и Дездемоны — опереточный фарс по сравнению с той страстностью, с какой душил меня в объятиях Коко. Наконец, мы снова уселись у телевизора. После удачного паса пяткой мяч от головы Чезаре, а затем и сам Чезаре влетели в ворота бразильцев. Счет сравнялся. Моя любимая ваза полетела в окно, которое я не успел предварительно открыть.

Еще гол. Бразильцы ведут. Мы

целуемся, словно братья, просидевшие в соседних камерах-одиночках пятнадцать лет и наконец амнистированные.

Перерыв. Выпиваем по бокалу сидра за доблестных бразильских нападающих. Еще бокал за полузащитников. За защитников. За вратаря. За победу. За... К счастью, перерыв заканчивается. Сразу же Чезаре устремляется к воротам бразильцев, бьет... Не успевает. Потому что бразильцы бьют его. Втроем. Пенальти. Остатки сидра вместе с фужерами летят в окно, затем Коко рвет на себе остатки волос, падает на пол и рыдает. Его слезы заливают мой ковер. Итак, пенальти! Чезаре на одной ноге разбегаются — вторую он волочил, — и бьет...

Я так и не знаю, попал он или нет: поднысывая с ковра Коко опускает стул на телевизор, и все разлетается вдребезги. Через месяц мы оба выходим из больницы, и Коко, не попрощавшись, уносится на костылях в направлении стадиона.

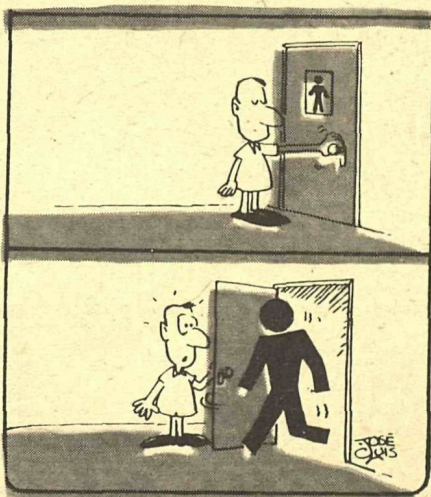
Нет, что ни говорите, а мой бывший сосед Коко — настоящий футбольный болельщик из Бразилии.

Перевел Александр БАЗИН.

В отделе кадров:
— Как долго вы находились на последнем месте работы?
— Четыре года.
— Похвально. Почему вы ушли оттуда?
— Пришлось. Окончился срок.

На футбольном поле парижского стадиона побоище.

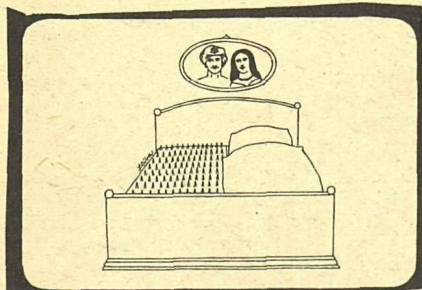
— Что там происходит? — недоумевает наивный зритель.
— Вы что, не видите? Лондонские болельщики бьют судью.
— Но почему? Ведь матч еще не начался.
— Дело в том, что сразу после матча отходит последний поезд в Лондон. Они могут не успеть...

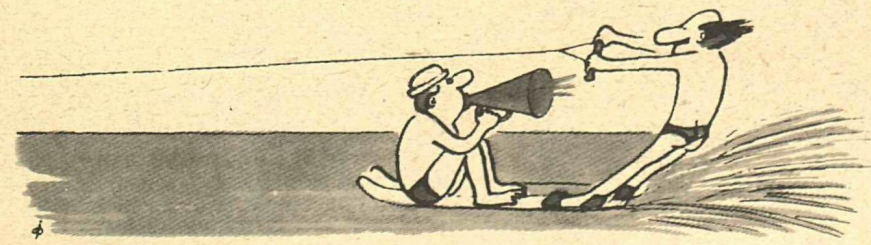
«Паланте», Куба.

— Прощу прощения, — обратился в лифте молодой человек к красивой девушке, — но я из-за вас потерял покой. Если бы вы знали, как я страдаю. Целыми ночами я хожу по комнате, как тень...
Девушка опустила глаза.
— Было бы лучше, если бы вы все это сказали моему отцу.
— Как?! Так это он включает по ночам проклятый магнитофон?!

Жена становится на весы и радостно кричит мужу:
— Дорогой, представляешь, я похудела на два килограмма!
— А ты встань на весы после того, как накрашишься, — скептически отвечает муж.

«Еж», Югославия.

«Рогач», ЧССР.

КРОКОДИЛИНКИ

Рисунок Б. ЭРЕНБУРГА,
(г. Челябинск).

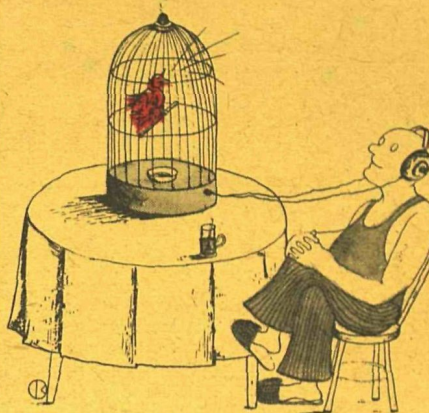

Рисунок В. СОЛДАТОВА.

Рисунок В. ВЛАДОВА.

Рисунок О. ЭСТИСА.

КРОКОДИЛ

№ 12 (2526)
апрель 1986

Главный редактор
А. С. ПЬЯНОВ.

Редакционная коллегия:

М. А. АБРАМОВ,
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ,
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора),
А. Б. ГОЛУБ,
Б. Е. ЕФИМОВ,
Р. Т. КИРЕЕВ,
В. Г. МОЧАЛОВ
(художественный редактор),
В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ
(ответственный секретарь),
Э. И. ПОЛЯНСКИЙ,
В. И. СВИРИДОВ,
М. Г. СЕМЕНОВ,
С. В. СМЕРНОВ,
А. А. СУКОНЦЕВ,
А. И. ХОДАНОВ
(зам. главного редактора).

Технический редактор
Л. И. КУРЛЫКОВА.

Темы рисунков этого номера придумали: М. Вайсборд, С. Веткин, В. Владов, Н. Воронцов, Е. Милутка, В. Полухин, В. Солдатов, В. Тильман, Л. Филиппова, Б. Эренбург, О. Эстис.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ
ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ.

Наш адрес:
101455, ГСП, МОСКВА,
А-137,
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД,
д. 14.

Телефоны:
250-10-86; 212-21-73.

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ
1922 ГОДА.

ИЗДАНИЕ
ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Сдано в набор 20.03.86.
Подписано к печати 27.03.86.
А 01950.
Формат бумаги 70×108¹/₈.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Уч.-изд. л. 4,54.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Тираж 5300000 экз.
(1-й завод: 1—3149347).
Изд. № 843. Зак. № 2651.

© Издательство ЦК КПСС
«Правда». «Крокодил», 1986 г.

Ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

УЛЫБКИ

РАЗНЫХ ШИРОТ

